

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ ФРАЗЕОМОДЕЛЕЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ КВАНТИТАТИВНО-КАУЗАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

© С.С.Сафонова

Статья посвящена исследованию функционально-семантических особенностей фразеомоделей, выражающих интенсивно-следственные, модусно-каузальные и противительно-уступительные отношения. В ней предлагается квалифицировать их как экспрессивные синтаксические конструкции, отличающиеся семантической неоднозначностью, слитностью информативных и коннотативных смыслов, а также совмещением и пересечением реального и потенциального планов.

Ключевые слова: гипотаксис, фразеомодель, интенсивность, каузальность, модальность, экспрессивность.

Сложное предложение как уникальная синтаксическая единица, с одной стороны, обращенная в синтаксис, а с другой – в текст, нашло системное освещение в целом ряде монографических трудов (Н.С.Поспелов, В.А.Белашапкина, Н.А.Андрамонова и др.). Однако отдельные звенья этой системы, отличающиеся синкретизмом семантики и структуры, не получили однозначных трактовок, в силу чего не сходят с повестки дня, требуя автономного рассмотрения. К числу подобных синтаксических единиц относятся фразеомодели, которые обычно формируются на базе конкретных лексем, составляющих каркас предложения, предусматривающий свободное лексическое наполнение. Эти фразеомодели представлены синтаксическими единицами, построенными по схемам *так...что, не так...чтобы, не номинатив...чтобы, нужно...чтобы, слишком...чтобы* и др., поэтому выдвигание их в качестве специального объекта исследования представляется актуальным и своевременным.

На уровне гипотаксиса в современном русском языке активно функционируют фразеомодели с интенсивно-следственными (*так...что, такой...чтобы*), квантитативно-целевыми (*слишком...чтобы*), модусно-каузальными (*надо...чтобы, нужно...чтобы*), противительно-уступительными (*хотя...но*) и другими отношениями. Прежде чем приступить к анализу данных фразеологизированных структур, необходимо указать их отличительные признаки по сравнению со свободными синтаксическими единицами. Во-первых, это устойчивость модели в целом или одной из ее частей, а также стабильность синтаксической позиции компонентов; во-вторых, воспроизводимость модели при наличии творческого начала на уровне лексического наполнения; в-третьих, фразеологизация за счет

структурно-смысловой основы (синтаксико-фразеологическая связь и семантическая целостность); в-четвертых, экспрессивная окрашенность (образность, оценочность и эмоциональность). Являясь приметой функциональных стилей с сильной разговорной струей, эти фразеомодели используются преимущественно в диалогическом текстовом пространстве, например: "За семнадцать лет долина Угры заросла ольшаником *так, что* воду с обрыва не видно" (КП, 20.10.2000 г.); "Мы *не так* богаты, *чтобы* покупать дешевые вещи" (КП, 24.10.2000 г.); "Моя жена *слишком* умна, *чтобы* ревновать меня к работе" (ЭГ, июль 2001 г.). Как видно из примеров, каузальная семантика фразеомоделей осложняется, а иногда и вытесняется модусными и экспрессивными смыслами, прежде всего значением интенсивности.

Категория интенсивности, поставленная в один ряд с такими категориями, как эмоциональность, оценочность и образность, является приметой экспрессивной речи. Ее семантические компоненты 'в высокой степени', 'в высшей степени' имеют характер отступления от нормы, необычности традиционных представлений о количественных параметрах тех или иных признаков, создавая порой парадоксальную ситуацию вследствие совершения действия, не ожидаемого от его производителя, например: "Наконец он остановился, обернулся к своему спутнику и пришел в истинное неистовство – замахал руками, а раскричался *так, что* даже мне через стекло было слышно. Никогда раньше не видывал, чтобы английские лорды вели себя подобным образом" (Б.Акунин "Коронация, или последний из Романов"). Конструкции, отличающиеся семантической неоднозначностью и слитностью информативных и коннотативных смыслов, получили больший или меньший статус типизированных за

счет частотных лексических компонентов или фразеологических единиц (далее – ФЕ), например: "Посередине, попирая ногами расстеленную тигровую шкуру, стояла хозяйка, наряженная испанкой, в алом платье с корсажем и с пунцовой камелией в волосах. *Хороша была так*, что у Эраста Петровича *перехватило дух*" (Б.Акунин "Азазель").

Содержательная структура рассматриваемых фразеомоделей складывается из значения интенсивности признака или действия, которое реализуется за счет контактного словосочетания препозитивной части и реляционной семантики, которая стимулируется соотносительностью содержания обеих частей и маркируется подчинительными союзами *что (чтобы)*, например: "И тут растяжение времени закончилось, время сжалось пружиной и, распрямившись, обжигаяще ударило Эраста Петровича в правый бок, *да так сильно*, что он упал навзничь и больно ударился затылком о край крылечного парапета" (Б.Акунин "Азазель").

Семантика интенсивности, которая, на наш взгляд, является доминирующей, в исследуемых моделях может усиливаться за счет использования слов в переносном значении, инверсии и обособлении коррелята или контактного словосочетания в целом, а также употребления разговорной и даже просторечной лексики, например: "Будочник *гаркнул так*, что с потолка посыпалась пыль" (Б.Акунин "Любовник смерти"). Что касается языка современной прессы, то важная роль в арсенале оценочных средств принадлежит иронии, причем она носит негативно-оценочный характер. Так, фразеомодель "Шеф был с дамами *так "мил"*, что по морде получил" (КП, 28.11.2000 г.), являясь заголовком к заметке, подготавливает читателя к восприятию информации, настраивая на иронический, юмористический лад.

Рассматривая фразеомодели, построенные по схеме *так...что*, следует отметить, что в ряде случаев постпозитивная часть служит для выражения собственно эмоционально-экспрессивных реакций на высокую степень проявления признака и фактически не имеет событийно-следственного значения, приобретая модусную семантику, например: "Дядька Зот Ларионыч прямо с порога *так звезданул*, что *искры из глаз...*" (Б.Акунин "Любовник Смерти"). Если постпозитивная часть не представляет пропозитивной номинации, то, по нашим наблюдениям, она может выражать модусную семантику оценочного, эмотивного, метатекстового характера, что обусловлено принадлежностью автора определенному менталитету, культуре, социуму, его обращенностью к на-

циональному паремиологическому и фразеологическому фонду.

Метатекстовая модусная семантика возникает в таком коммуникативном акте, когда говорящий затрудняется иными способами описать значение интенсивности признака, действия или состояния, например: "Николай Басков пел *так великолепно*, что и слов не подобрать!" (ЭГ, июнь 2001 г.); "Их менеджмент *настолько развращен*, что нет слов..." (КП, 28.08.2001 г.); "...а *скука такая*, что и сказать нельзя..." (А.П.Чехов "Ванька"). Оценочная модусная семантика характеризует значение интенсивности по линии возможности/невозможности, нормативности/ненормативности, например: "Видимо, моя личность *настолько нестандартна*, что не уместится ни в какое прокрустово ложе..." (КП, 30.01.2002 г.); "На бюджетных деньгах *такие "бабки"* зарабатываются, что вам и не снилось!" (КП, 28.03.2002 г.); "...но почему-то всякий раз оттуда присылают к нам *таких людей*, что не глядел бы" (А.П.Чехов "Палата №6"). Эмотивная модусная семантика связана с различными эмоционально-психологическими состояниями субъекта, которые вызывает интенсивность статического или динамического признака, например: "И рассказывают *такое*, что *кровь в жилах стынет*, а потом *закипает*" (КП, 28.09.2000 г.); "Он с собой-то справиться не может: *глоток свободы и такого накуролесит*, что *святых выноси*" (КП, 05.10.2000 г.); "...а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными рукавами и говорит *так громко*, что *звонит в ушах*" (А.П.Чехов "Спать хочется"); "Больше всего было лошадей, нарисованных неумело, но *так резво и весело*, что *душа радовалась*" (Н.Сорокина "Гардемарины"); "Мальчишка *тщеславный, заносчивый!* Наплел *таких несообразностей*, что *дух захватывает*" (Н.Сорокина "Гардемарины").

Данное явление связано с фразеологизацией модели, которая проявляется по-разному, в результате этого можно выделить следующие аспекты. Во-первых, фразеологизация модели создается за счет воспроизводимых компонентов – наиболее частотных лексем, занимающих позицию стержневого слова. В этом случае модель приобретает определенную стабильность лексического наполнения на уровне переменного компонента. Несмотря на то что количественный состав таких лексем невелик, их воспроизводимость в синтаксической конструкции достаточно высока (*великий, хорошо, сила, нравиться* и др.), например: "Поразительно сильной бывает привязанность разных видов животных, *настолько сильная*, что, потеряв друг друга, животное за-

болевает и гибнет" (КП, 23.11.2001 г.); "Пугачев в свое время *так сильно* "поджарил" торговый центр, *что* самой Екатерине II, а позже Павлу I пришлось бить набат" (КП, 16.11.2000 г.); "Проснувшись, Гера с *такой силой* вырвала у него грудь, *что* часть молока выплеснулась в небо, образовав мириады звезд" (КП, 11.07.2001 г.).

Во-вторых, в данных фразеомоделях в качестве "строеной лексемы" (Л.В.Щерба) выступает глагол *дойти*, сохраняющий значение крайнего предела действия, например: "Она (элита) сейчас *до того* уже *дошла*, *что* пытается с президентом затеять торг – мы вам этот чертов гимн Александра, вы нам – тела Ленина и Наздратенко" (КП, 9.12.2000 г.).

В-третьих, фразеологизация модели создается за счет наличия в препозиции и/или постпозиции ФЕ, например: "Амнистия оказалась *такой* широкой и либеральной, *что* народ *диву* давался" (КП, 21.07.2001 г.).

С одной стороны, фразеологизация модели способствует усилению семантики интенсивности и отрицательной оценке происходящего, например: "Хотел я им уже устроить явление Христа народу, разогнать всю эту шатино-братию, потребовать Амалию к ответу, но вдруг дверца кареты распахнулась, и я увидел *такое*, *что* не *приведи Создатель*" (Б.Акунин "Азазель"), и наоборот, отрицательная оценка высокой степени признака воспринимается как нечто позитивное, со знаком 'плюс': "Инстинктивная боязнь навлечь подозрение на друзей была *столь сильна*, *что* он даже обрадовался отсутствию Александра" (Н.Сорокина "Гардемарины").

С другой стороны, если семантика интенсивности в главной части выражена имплицитно, то при наличии ФЕ в придаточной части, она может быть эксплицирована, например: "Пожалуй, он сейчас был жалок, этот героический господин. Во всяком случае, по сравнению с ее высочеством, готовой бросить ради чувства все, а в данном случае слово "все" обозначало *столь многое*, *что* дух захватывало" (Б.Акунин "Коронация, или последний из Романов").

Интересно, что А.Вежбицка подмечает близость суперлативных форм и градационно-следственных предложений и указывает, что "они кажутся близкими той сфере языковых фактов, которые обычно связывают с понятием гиперболы" [1: 141]. Гиперболичность осознается и за счет лексического наполнения постпозитивной части, когда следствие приобретает статус ирреальности, фантастичности или абсурдности, например: "До брака у отца была *такая* бурная жизнь, *что* дрожали весь Питер, Москва и даже *зарубежье*" (Телесемь, 25.11.2001 г.); ... "Я та-

кой большой, *что* не помещаюсь на сцене "Ковент-Гардена" (КВ, 30.10.2001 г.); "Она (Амалия) *так* вопила и на слуг ругалась, *что* стены дрожали" (Б.Акунин "Азазель"). Абсурдность события как следствия интенсивности признака может возникать за счет контактности и противопоставленности компонентов смысла: позитивная ситуация воспринимается говорящим как негативное, отрицательное явление, например: "Дела у него идут *хорошо*. *Так хорошо*, *что* нам *от этого плохо*" (КП, 31.08.2001 г.); "Взгляд его голубых глаз был *так безмятежен*, *что* я *заподозрил издевку*" (Б.Акунин "Коронация, или последний из Романов").

Однако в большей мере семантика интенсивности способствует возникновению гиперболизации в фразеомоделях, построенных по схеме *так...будто*, где за счет союзов недостоверного сравнения *будто*, *словно*, *как будто* и др. передается воображаемая парадоксальная ситуация, например: "Люди кричат у стойки *так*, *как будто наступил конец света*" (КП, 17.08.2001 г.); "Женщины, эти чудесные животные с невиданной пластикой, в платьях резких цветов, пляшут *так*, *словно все суставы у них развинчены*" (КП, 17.08.2001 г.); "...Когда я, уже ночью, пылая жаждой мщения, вновь заявился к Диане, она уставилась на меня *так*, *будто я восстал из ада*" (Б.Акунин "Статский советник").

Семантика интенсивности может распространяться и на конструкции, в которых предикативный признак не имеет соответствующих валентных свойств (*так убит, что; до такой степени нет, что* и др.). Так, Н.А.Андромонова отмечает, что "семантика высокой степени признака, будучи определяющей и охватывающей текстовое пространство, распространяется и на те случаи, где лексема, называющая предикативный или атрибутивный признак, не отличается семантической солидарностью с количественными смыслами, не стимулирует их" [2: 8]: "Как бы то ни было, но старый Помпадур уехал, *до такой степени уехал, что* самый след его экипажа в ту же ночь занесло снегом..." (М.Е.Салтыков-Щедрин "Помпадуры и Помпадурши"); "Стыдно это было, нехорошо, что разговор у них выходил *такой деревянный, будто* о чужом человеке..." (Б.Акунин "Любовник Смерти").

Среди фразеомоделей, построенных по схеме *так...что*, особо выделяются конструкции с частицей *хоть* (*хоть горькую пей, хоть святых выноси, хоть ложись и помирай, хоть собакой вой* и др.), весьма выразительно передающие экспрессивно-модусную семантику. В этих фразеомоделях действие постпозитивной части рисуется как крайняя степень указанного в препозитив-

ной части процессуального признака, само же действие есть лишь метафорическое изображение семантики интенсивности, например: "Смуцало лишь то, что святой отец изрядно любил выпить и меры в этом деле не знал. "Килиманджарил так, что хоть святых выноси"" (КП, 21.12.2000 г.); "...на биржах царило уже такое уныние, что хоть горькую пей" (КП, 15.08.2001 г.); "От этого похоронного боя, гулко раздававшегося в пустой квартире, у Скорика перехватило дыхание и стало так страшно, так бесприютно, что хоть собакой вой" (Б.Акунин "Любовник Смерти").

Семантика интенсивности взаимодействует и с семантикой градуальности, что особенно ярко наблюдается в моделях со скрепой *дойти до того...что*, например: "Посмотрите, как раскручивается слух у Гоголя в VIII главе "Мертвых душ". *Доходит до того, что* Чичиков – это Наполеон, которого заслали в Россию" (РТР, "Что хочет женщина", 27.02.2002 г.). Любопытно, что в современном русском языке семантика данной фразеомодели осложнена модусной негативной оценкой, отрицательным коннотативным смыслом – 'плохо'. Так, Н.А.Андромонова замечает, что "значимость шкалы нарастания интенсивности нередко воспринимается со знаком минус, как нечто раздражающее, нежелательное, чрезмерное, усугубляющее отрицательный эффект" [3: 21]: "Это картина бездны, в которую отечественные реформаторы швырнули абсолютно неподготовленную к экономическим реалиям 90-х высшую школу России... *Доходило до того, что* дефицитом стал мел" (КП, 01.02.2002 г.); "*Дошло до того, что* в шахтерском крае Кузбассе две трети шахт работали себе в убыток" (АиФ, февр. 2000 г.).

Среди фразеомоделей, выражающих отношения обусловленности, выделяются модели со значением необходимого, достаточного и избыточного основания, построенные по схемам *нужно...чтобы, достаточно...чтобы, слишком...чтобы*, в той или иной степени осложненные семантикой интенсивности. В качестве основания-минимума в фразеомоделах типа *достаточно...чтобы* выступает не вся ситуация препозитивной части, а только ее фрагмент: интенсивность действия, признака, качества или мера количества, являясь фундаментом для осуществления реального, ирреального или желательного действия, обозначенного в постпозитивной части, например: "Мы *достаточно сильны, чтобы* думать о будущем" (КП, 15.08.2001 г.); "Тебе здесь скучно и делать нечего, и *надо быть большим эгоистом, чтобы* удерживать тебя" (А.П.Чехов "Попрыгунья").

При наличии отрицания, вводимого в постпозицию частицей *не*, и модальность фразеосхемы становится отрицательной: "Он знал о нем *достаточно много, чтобы не* придавать значения его официальной биографии" (Б.Акунин "Статский советник"). Наибольшей частотностью в русском языке обладают конструкции, в которых в качестве распространителя компонента *достаточно* выступает инфинитив с аспектуальными характеристиками финитности или начинательности: "*Достаточно* мне было *вспомнить* о предстоящем визите, *чтобы* настроение тут же испортилось" (А.П.Чехов "Скучная история"). В данных фразеомоделах на семантику обусловленности наслаивается темпоральная семантика мгновенного или быстрого следования одного действия за другим.

Однако с целью создания неожиданности, стремительности и динамизма повествования в художественном текстовом пространстве используются фразеомодели типа *не успел...как, только...как, уже...как* и др. с темпоральной семантикой, например: "И *не успели* зрители *признать* в ней недавнюю горничную, *как* девица сбила ногой высокую канделябру, пулей полетела по зале и скрылась в боковой двери" (Н.Сорокина "Гардемарины"); "*Только* кучер дотронулся до плеча лежащей, *как* она встрепенулась, попыталась встать, но застонала и села, с ужасом глядя на мужчин" (Н.Сорокина "Гардемарины").

Следует отметить, что экспрессивность фразеомоделей с семантикой обусловленности поддерживается их нахождением в определенном образно-эмоциональном микроконтексте, где они стимулируются другими экспрессивными элементами и конструкциями: "– Оставь его, – сказал Белов на ухо Никите, но *достаточно громко, чтоб* писарь его услышал. – Он трусит. Если человек *так* трусит, то толку от него не жди" (Н.Сорокина "Гардемарины"); "Он *не успел додумать* мысль до конца, *как* Софья встала, подошла к божнице и, встретившись с ясными глазами Вседержателя, *так стремительно грохнулась* на пол, *что* юноша явственно услышал стук коленей о плиты пола" (Н.Сорокина "Гардемарины").

Наряду с фразеомоделями, выражающими интенсивно-реляционную семантику, в современном русском языке активно функционируют фразеосхемы, представляющие значение недостаточной степени качества или меры количества для реализации следствия, например: "Жизнь *не так длинна, чтобы* расстраиваться по пустякам" (КП, 26.10.2000 г.); "Как и Пуаро, я люблю порядок и симметрию... Но я *не настолько фанати-*

чен, *чтобы* требовать к завтраку два совершенно одинаковых яйца. Я считаю, это уже болезнь" (Телесемь, 25.03.2002 г.), в которых следствие субъективно отвергается или становится объективно невозможным. Более того, в данных фразеомоделях качество, приписываемое субъекту, не достигает той степени, чтобы действие придаточной части осуществилось: "Я *не настолько самоуверен, чтобы* вообразить, будто она влюбилась в меня с первого взгляда" (Б.Акунин "Статский советник"). Эти фразеомодели возможно соотнести с предложениями фразеосхемы *недостаточно...чтобы*, коммуникативная функция которых заключается в обозначении ситуации, когда препозитивная часть указывает на основание, препятствующее осуществлению действия постпозиции, в результате чего оно мыслится как невозможное, хотя и желательное: "Он был молчалив, *недостаточно красив, чтобы* бесплатно нравиться девушкам" (КВ, 11.10.2001 г.).

Данные фразеомодели, нередко использующиеся в целях отрицания самого признака, семантически близки оценочным фразеосхемам *не номинатив...чтобы*, в которых утверждается отсутствие у субъекта определенного качества, в силу чего невозможно осуществление действия постпозиции, например: "Ты мне *не муж, чтобы* с расспросами приставать" (Н.Сорокина "Гардемарины"). В этом типе фразеомоделей устанавливается нереальность связи между двумя явлениями, которая характеризуется субъективно-оценочной модальностью: "Жизнь *не азбука, чтобы* все одним словом объяснить" (Телесемь, 03.02.2002 г.).

Фразеосхемам с модусно-каузальной семантикой, как и моделям, выражающим количественно-релятивные отношения, присущи интенсивность, градуальность и гиперболичность высказывания за счет лексического наполнения постпозитивной части: "– Музыка *должна быть такой, чтобы* шкура от костей отставала и дрожь по всему телу проходила" (КП, 27.10.2000 г.). В то же время семантика интенсивности может осложняться и эмоционально-оценочной модальностью, при этом малая степень признака или мера количества воспринимается субъектами коммуникации положительно: "Сколько людей ведет нищенское существование, тогда как *нужно так мало, чтобы* изменить все это, чтобы они могли познать счастье, богатство и удачу" (КП, 1.02.2002 г.).

Фразеомодели избыточного основания *слишком...чтобы* сближаются с фразеомоделями *так...что* семантически, но структурно разнятся, например: "Коломба – существо *слишком легкомысленное и бесшабашное, чтобы* чего-то пу-

гаться" (Б.Акунин "Любовница Смерти"); "Экономика США развивалась *слишком хорошо, чтобы* это длилось вечно" (КП, 21.08.2001 г.); "Но люди *слишком маленькие муравьи* на этой планете, *чтобы* воспользоваться этим богатством" (КП, 30.01.2002 г.). Чрезмерность признака, указанная в главной части, становится препятствием для осуществления действия придаточной части и одновременно основанием для выполнения противоположного действия: "Времени *слишком мало, чтобы* вдаваться в причины" (КП, 21.11.2001 г.). Любопытно, что в этих фразеомоделях, как и в усилительно-следственных, выражается интенсивность не только большого, но и малого признака.

В языке современных СМИ, быстро реагирующих на происходящие в мире события, представлено состояние социума в целом и индивида в частности, а именно стремление современных людей к непониманию, нетерпимости и, как следствие этого, агрессии. Недаром В.Г.Костомаров считает одним из ключевых форм отражения эпохи слово 'беспредел'. Это явление нашло выражение и в содержательной структуре исследуемых фразеомоделей, например: "Я, знаете ли, сама могу обеспечить *столько драмы, что* чертям в аду жарко станет" (Телесемь, 20.08.2001 г.); "Страсти накалились *настолько, что* некоторые лидеры оппозиции уже предупреждают: если Слобо не уйдет мирно, могут пролиться "реки крови"..." (КП, 27.10.2000 г.) Если, с одной стороны, для современного социума характерна агрессия, то с другой – она стимулирует появление противоположных состояний – чувства страха, отчаяния и безысходности, например: "...*Такого* наслышишься, *что* жить страшно" (КП, 9.12.2000 г.); "Рассказала *такую историю, что* волосы встали дыбом" (РТР, "Моя семья", 07.08.2001 г.); "Наглotalся всяких таблеток, лег на кровать и *так тошно* стало – *белый свет не мил*" (Спид-супер, июль 2001 г.).

Экспрессивному восприятию текстов художественного и публицистического стиля способствуют модификации и трансформации фразеосхем как средства осложнения или упрощения модели. В нашем материале представлены такие средства усиления эмоциональности и выразительности исследуемых фразеомоделей, как повтор, парцелляция, усечение и эллипсис.

Повтор как экспрессивное средство, заключающее в себе яркий, усилительно-градационный эффект, в исследуемых нами моделях носит лексико-синтаксический характер, поскольку он акцентирует внимание на представленности семантики интенсивности действия или признака,

например: *Я люблю тебя, люблю так сильно, что это причиняет мне боль* (КВ, 10.01.2002 г.).

Лексико-синтаксический повтор способствует процессу расчлененной подачи высказывания, то есть парцелляции: "Гонконгская "Пионовая беседка" – кино по-китайски красивое и загадочное. *Загадочное настолько, что пересказать сюжет затруднительно*" (КП, 03.07.2001 г.). Парцелляция содействует большей экспрессивности фразеомодели, градуированности в передаче высокой степени признака и создает эффект естественности речевого процесса: "Блюда выполнены не просто квалифицированно, но *душевно. Насколько душевно, что*, между нами говоря, располагают к более протяженному и расслабленному застолью..." (КП, 22.11.2000 г.); "Игла сказала неожиданное. *Такое, что* Грин вздрогнул" (Б.Акунин "Статский советник").

В жанрах диалогического характера нередко используются усеченные конструкции, так называемые "фигуры умолчания", которые отличает интонационная незавершенность и структурная нестабилизированность. В публицистической речи такой способ ее экспрессивации используется, с одной стороны, как усилительное средство, характеризующее психологическое состояние или эмоциональные переживания субъекта, например: "Я, конечно, *безумно* нервничал, *насколько, что...*" (КП, 31.10.2000 г.); а с другой – как средство создания эмоциональной непосредственности речи с целью "интимизации повествования". В этой функции "фигуры умолчания" встречаются в статьях, заметках и, вероятно, рассчитаны на домысливание адресатом: "Фэнтези – это фэнтези. Здесь компьютер *таких чудес* наворотил, *что...*" (Телесемь, 10.02.2002 г.).

В художественной литературе "фигуры умолчания", характеризующие эмоционально-психологическое состояние героя и передающие прерывистость и взволнованность разговорной речи, используются в речи персонажей, наряду с парцелляцией, а нередко и одновременно с ней: "Эраст Петрович законфузился и, помогая себе обильной жестикуляцией, начал довольно нескладно: – Это... Это редкостная женщина. Клеопатра. Кармен... Красоты неопишуемой, но дело даже не в красоте... Магнетический взгляд. Нет, и взгляд не то... Вот главное: в ней ощущается *огромная сила. Такая сила, что* она со всеми будто играет. И игра с какими-то непонятными правилами, но жестокая игра. Эта женщина, по моему, очень порочна и в то же время... абсолютно невинна..." (Б.Акунин "Азазель").

Напряженность, стремительность и динамизм повествования создается и за счет эллипсиса исходных фразеомодели в результате опущения

союза, что придает эмоционально-экспрессивную окрашенность высказыванию и в большей степени свойственно разговорной речи персонажей, например: "Господь создал этот мир, создал людей и предоставил их самим себе. Но люди *так слабы и так слепы*, они превратили божий мир в ад" (Б.Акунин "Азазель"); "Печь-голландка с изразцами, всюду вышитые салфеточки, ска-терть тоже в вышивке, *такой яркой*, хоть прищуривайся" (Б.Акунин "Любовник Смерти"); "А мне у вас в Москве *так понравилось* – уезжать не хочется!" (КП, 27.10.2000 г.).

В связи с эллипсисом исследуемой модели представляется возможным рассмотреть и бессоюзные сложные предложения, семантически и функционально носящие эквивалентный характер, например: "Коломбина закусила губу, прижала к груди ладонь – *так заколотилось сердце*" (Б.Акунин "Любовница Смерти"); "Кучер, стоявший сбоку от распахнутой дверцы, схватил меня за локоть и дернул: слезай, мол. Я поморщился – *такая силища* была в этих стальных пальцах" (Б.Акунин "Коронация, или последний из Романов"); "Смерть Игоря Талькова десять лет назад потрясла всю страну – *такой нелепой* эта гибель казалась" (КП, 03.11.2001 г.); "Сад "Эрмитаж", ставший символом дьявола, люди обходили стороной до конца XIX века, *насколько сильной* была вера в неуспокоенные души мучеников" (КП, 22.02.2002 г.). В этих бессоюзных предложениях, отличающихся семантической емкостью и насыщенностью, наблюдается "перевертывание отношений" сравнительно с исходными: первая часть воспринимается как следствие, вторая – как причина, осложненная квантитивно-усилительным значением.

Периферийную зону в системе гипотаксиса при пересечении его с паратаксисом составляют фразеомодели, в которых препозитивная часть представлена соединением двух разнонаправленных языковых явлений: тавтологии и эллипсиса, например: "*Хочешь не хочешь*, а продолжай маскарад" (Н.Соротокина "Гардемарины"); "*Бей не бей*, а ареста жди, – отвечала мудрая женщина" (Н.Соротокина "Гардемарины"); "*Смех смехом*, а дельцов от музыки еще хватает" (КП, 25.04.2002 г.). Данные периферийно-переходные фразеомодели, выражающие противительно-уступительные, противительно-выделительные, противительно-ограничительные и др. отношения, имеют значение колебания, неуверенности, что обусловлено уникальностью содержательной структуры, совмещающей полярные коннотативные смыслы: сочетание положительного и отрицательного компонентов.

Итак, в сфере гипотаксиса весьма активно функционируют фразеомодели, в которых лексикон предопределяет их содержательную структуру и находится в отношениях семантического согласования или совместности с каузальным комплексом значений. Семантико-синтаксические отношения, базирующиеся на качественной лексике, осложняются различными эмоционально-оценочными и модальными значениями, коррелирующими с ними. Экспрессивность фразеомоделей, в той или иной мере осложненных семантикой интенсивности, поддерживается их вхождением в определенный экспрессивный микроконтекст, где они стимулируются другими экспрессивными элементами, хотя и сами заключают в себе экспрессивный заряд. Функциональные варианты фразеомоделей – это не только способ экспрессивного выделения, "фиксации внимания", но, прежде всего, способ акцентирования количественной семантики. В экспрессивно-стилистических модификациях семантика интенсивности включает не только высокую степень признака, но и предполагает ее градуированность, вплоть до преувеличения и гиперболизации. Субъективная гиперболизация, не соответствующая объективному положению вещей,

соединение несоединимого, совмещение реального и ирреального и т.п., то есть семантика контрастности, необычности, неожиданности способствует возникновению комического эффекта и/или парадоксальной ситуации. Семантическая многозначность и многоликость фразеомоделей с семантикой обусловленности, слитность в них информативных и коннотативных смыслов, а также сочетание стабильных и вариативных компонентов стимулирует их использование в художественной литературе и публицистике.

1. *Вежбицка А.* Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.133-152.
2. *Андромонова Н.А.* Экспрессивные синтаксические конструкции (на материале произведений М.Е.Салтыкова-Щедрина) // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. – Казань: Каз. гос. ун-т, 2003. – С.6-11.
3. *Андромонова Н.А.* Функциональная семантика оценочности и сфера реляционных значений // Ученые записки КГУ. – Языковая семантика и образ мира. Лингвистика. – Казань: Каз. гос. ун-т, 1998. – Т.135. – С.18-23.

THE MEANING AND FUNCTIONING OF THE PHRASEOLOGICAL MODELS WITH QUANTITATIVE-CAUSATIVE SEMANTICS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

S.S.Safonova

The article is devoted to the investigation of the functional semantic features of the phraseological models, expressing intensive-consequential, causative and concessive meanings. The author makes an attempt to classify these phraseological models as expressive phrases, which excel semantic plurality, connection of the factual and connotative meanings, combination and intersection of real and potential parts.

Key words: hypotaxis, phraseological model, intensity, causativity, modality, expression.

Сафонова Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: sekretstar16@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.01.2011